

## РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВОЗДЕЙСТВИЕ

# Национально-культурная специфика фатической диалогической коммуникации в современной русской речи

## National-Cultural Specificity of Phatic Dialogical Communication in Modern Russian Speech

DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-2-7-13

Получено: 01 марта 2025 г. / Одобрено: 24 марта 2025 г. / Опубликовано: 26 апреля 2025 г.

**И.А. Кузнецов**

Канд. филол. наук, доцент,  
заведующий кафедрой иностранных языков  
гуманитарного факультета,  
Российский химико-технологический  
университет имени Д.И. Менделеева,  
Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 9;  
ORCID ID: 0000-0003-1683-5507;  
e-mail: igorkuznetz@gmail.com

**I.A. Kuznetsov**

Candidate of Philology, Associate Professor,  
Head of the Department of Foreign Languages,  
Faculty of Humanities;  
D. Mendeleev University of Chemical  
Technology of Russia,  
9, Miusskaya pl., Moscow, 125047, Russia;  
ORCID ID: 0000-0003-1683-5507;  
e-mail: igorkuznetz@gmail.com

**Аннотация**

В работе освещаются национально-культурные особенности дискурсной реализации моделей фатической диалогической коммуникации в современной русской речи в свете проблемы речевого воплощения коммуникативных ценностей русской культуры. Актуальность исследования заключается в его научной и общекультурной значимости для лингвокультурологического изучения основ национальной ментальности, а также теории кросс-культурной коммуникации. Цель исследования — анализ примеров вопросно-ответных диалогических единиц, извлеченных из Национального корпуса русского языка, которые манифестируют разнообразные модели «русской высоконтекстной фатики».

Методологической основой исследования являются принципы когнитивно-ориентированного лингвокультурологического анализа ключевых концептов национальной культуры. Использована методика когнитивно-дискурсивного анализа единиц речевого взаимодействия по данным корпусов.

Рассмотрены кооперативные речевые стратегии, реализующие установку на эмпатию, на «задушевное общение», с одной стороны, и конфликтные речевые стратегии, направленные на «выяснение отношений» — с другой. Делаются выводы о том, что ориентация на повышенный эмоциональный градус общения как проявление установки на взаимную искренность коммуникантов приводит к отсутствию в системе «коммуникативных ценностей русской культуры» уважения к личному пространству говорящего.

Новизна исследования заключается во введении в научный оборот современной лингвистической коммуникативистики нового, корпусного материала по русской диалогической речи, а также нового аспекта лингвистического анализа диалога через призму национальной обусловленности моделей речевого взаимодействия.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать его результаты в преподавании вузовских курсов по коммуникативной лингвистике, лингвокультурологии и дискурс-анализу, а также в обучении русскому языку как иностранному.

**Ключевые слова:** фатическая коммуникация, национальная обусловленность, высоконтекстная культура, диалог, вопросно-ответное единство, русская речь.

**Abstract**

The paper examines national-cultural features of the discursive implementation of phatic dialogical communication models in modern Russian speech in the aspect of the problem of speech embodiment of communicative values of Russian culture. The relevance of the study lies in its scientific and general cultural significance for the linguo-cultural study of the foundations of national mentality, as well as the theory of cross-cultural communication. The aim of the study is to analyze examples of question-answer adjacency pairs extracted from the Russian National Corpus, which manifest various models of "Russian high-context phatics".

The methodological basis of the study is the principles of cognitive-oriented linguo-cultural analysis of key concepts of national culture. The research methods of cognitive-discursive analysis of units of speech interaction according to corpus data are used.

The article considers cooperative speech strategies that implement the focus on empathy, on "heart-to-heart communication", on the one hand, and conflict speech strategies aimed at "clarifying relations", on the other. It is concluded that the focus on an increased emotional degree of communication as a manifestation of the focus on mutual sincerity of communicants leads to the absence of respect for the speaker's personal space in the system of "communicative values of Russian culture".

The scientific novelty of the study lies in the introduction of new, corpus-based material on Russian dialogic speech into the scientific circulation of modern communicative linguistics, as well as a new aspect of linguistic analysis of dialogue through the prism of national conditioning of speech interaction models.

The practical significance of the study is due to the possibility of using its results in teaching university courses in communicative linguistics, linguo-cultural studies and discourse analysis, as well as in teaching Russian as a foreign language.

**Keywords:** phatic communication, national conditioning, high-context culture, dialogue, question-answer adjacency pairs, Russian speech.

**Введение**

В работе на новом материале развиваются некоторые идеи, высказанные в наших предыдущих исследованиях [9; 10]. В центре современного понимания природы и сущности коммуникации лежит по-

нятие дискурса (дискурсивных практик), которое имеет комплексный характер и представляет собой сложное динамическое целое, органично объединяя в себе экстралингвистические и собственно языковые компоненты. Мы исходим из положения, что дискурс

в целом и диалогический дискурс в частности, будучи отражением представлений о действительности, ценностных приоритетов и речеповеденческих установок носителей языка [7], не может не быть национально и культурно обусловленным. В рамках универсальных общечеловеческих принципов ведения диалога можно обнаружить и некоторые особенности, связанные со своеобразием взгляда на мир и национального характера представителей той или иной культуры. Попытку ответить на вопрос, в чем же конкретно могут выражаться эти постулируемые национально-культурные особенности диалогического дискурса, как раз и представляет предлагаемое исследование.

Как пишет В.В. Дементьев, «специфику русской коммуникации обуславливает связь многих собственно коммуникативных моментов с нравственными категориями, оценками, оценочной деятельностью» [5, с. 8]. В этой связи мы можем утверждать, что национально-культурное своеобразие моделей речевого взаимодействия во многом определяется местом и ролью в совокупном массиве диалогических интеракций культурно-языкового сообщества именно интересующей нас в этой работе фатической коммуникации. Известное еще с пионерских работ Р.О. Якобсона и развитое в работах Т.Г. Винокур и др. разграничение собственно информативной и фатической сторон речевого общения основано на том, на что делается акцент в диалоге — на обмен информацией или на установление межличностных отношений между собеседниками [4; 20]. Значительное преобладание фатической коммуникации над информативной, а главное, ее большая социальная, психологическая и культурная значимость для коммуникантов при выборе ими стратегий диалогического взаимодействия, значительным образом формирует, так сказать, целостный образ русских дискурсивных практик, что в целом определяется принадлежностью русской культуры к числу так называемых «высококонтекстных» культур наряду со многими «коллективистскими» культурами Востока в противоположность «низкоконтекстным», «индивидуалистическим» культурам Запада [8].

В центре настоящего исследования находится только один вид диалогического взаимодействия, такая его минимальная единица, как диалогическое единство (*adjacency pair*), базовой разновидностью которого является вопросно-ответное единство. Действительно, как показано в работах Н.Ю. Шведовой, А.Н. Баранова, Г.Е. Крейдлина и др., именно вопросно-ответные единства в каком-то смысле являются прототипической единицей коммуникации, отражая в своем коммуникативно-дискурсивном устройстве и функционировании некие общие свойства всех других видов [1; 19].

Таким образом, мы можем сформулировать цель предпринятого исследования, которая заключается в лингвокультурологическом описании примеров вопросно-ответных диалогических единств, извлеченных из Национального корпуса русского языка, которые манифестируют разнообразные модели «русской высококонтекстной фатики».

### Обзор литературы

В научной традиции лингвистического диалоговедения особенности речевого взаимодействия принято описывать через отсылку к общечеловеческим закономерностям коммуникации: принцип кооперации, максимы общения, другие общие модели диалогических интеракций, безусловно, носят универсальный характер и не зависят от тех или иных особенностей национальных языков [14]. Однако еще в работах А. Вежбицкой мы встречаем проницательные наблюдения о том, что общая эмоциональная тональность диалогического дискурса может существенно отличаться от культуры к культуре, что обусловлено различием базовых «культурных скриптов», которые стоят за коммуникативными установками речепорождения и речевосприятия говорящими и слушающими, принадлежащими к разным культурам [3].

В исследованиях в области теории кросс-культурной коммуникации, в частности, в работах Э.Т. Холла, Б.Дж. Херна и Б. Томалина, также давно замечено, что в разных культурах могут существенно различаться тематика диалогов, система предпочтений и ограничений (о чем можно и о чем нельзя говорить в той или иной типовой ситуации), не говоря уже об этикетных формулах, которые по определению культурно обусловлены [21; 22].

Поиск возможных путей интерпретации национально обусловленного компонента в речевом взаимодействии носителей языка как существенной части совокупной национальной культуры, заложенный в трудах А. Вежбицкой [3], со временем обогащает свой аналитический инструментарий посредством использования идей когнитивной лингвистики [24] или «философии языка» [23]. Для современного состояния этого вопроса характерно значительное расширение исследовательской базы за счет включения в нее лингвоконцептологической, лингвоаксиологической и даже лингвогендерологической проблематики применительно к разным типам дискурса [2; 18], включая интернет-коммуникацию [12].

Как справедливо отмечает Т.В. Матвеева, «непринужденные диалоги в их совокупности создают ту или иную атмосферу, тот воздух общения, который характеризует нацию в целом» [11, с. 123]. Действительно, речевая реализация моделей диалогических интерак-

ций в том или ином культурно-языковом сообществе во многом определяется не столько общими принципами коммуникативного сотрудничества и правилами прагматического согласования реплик участников диалога, сколько их коммуникативными нормами и стоящими за ними культурными кодами, которые далеко не универсальны и значительно варьируются в разных лингвокультурах [8]. В этой связи вполне оправданной выглядит и разработка проблемы «коммуникативных ценностей русской культуры» в исследовании В.В. Дементьева [5], на которую мы отчасти опираемся в настоящей работе.

### Методы и материалы

Исследование основано на концепции «коммуникативных ценностей русской культуры» [5] и на принципах когнитивно-ориентированного лингвокультурологического анализа ключевых концептов национальной культуры [6; 13; 15]. Использована аналитическая процедура когнитивно-дискурсивного анализа речевого взаимодействия по данным корпусов [11; 16; 17]. Выявляются и интерпретируются неявные, имплицитные смыслы, выражающие интенции и коммуникативные установки участников диалога, их разнообразные отношения друг к другу и к обстановке речи, их ценностные позиции и пр., что, собственно, и составляет суть языковой фатики. Маркерами имплицитной информации в диалоге являются многообразные языковые, паралингвистические и лингвопрагматические средства, в том числе типизированные речевые формулы, метаязыковые включения, коммуникативы и т.д., представленные как в инициальных, так и в ответных репликах в составе вопросно-ответного единства.

Непосредственным материалом для исследования стала репрезентативная выборка контекстов из Национального корпуса русского языка [25]. Объем исследованного материала составил порядка 300 минимальных единиц речевого взаимодействия.

### Результаты, дискуссия

В настоящей работе мы рассматриваем многочисленные корпусные данные, иллюстрирующие воплощенные в вопросно-ответных единствах разнообразные модели русской «высококонтекстной фатики», в основе которых лежит установка на эмпатию, на личностную вовлеченность в характеризуемую ситуацию в целом или по отношению к отдельным ее аспектам (участникам, теме, контексту и пр.). Проще говоря, речь идет о преобладании тенденции к «задушевному общению», к неформальному «разговору по душам», ориентированной на поддержание «эмоционального градуса» общения, даже если это идет в ущерб получению необходимой информации.

Очень часто вместо информативного ответа на поставленный вопрос отвечающий выражает направленность на взаимопонимание:

— Я совершенно потеряла покой, сна лишилась, — продолжала Ирина Павловна. — Когда это все кончится? // — Я тебя понимаю, — кивнул Казакевич. — Такая неприятность [НКРЯ — Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)];

— ...Разумеется. А сейчас нам что делать? // — Ну... — Ольга двусмысленно улыбнулась. — Я могла бы сказать, что именно, но я тебя понимаю. Честное слово, любимый, я не буду на тебя давить. Ты прав, все должно само вернуться [НКРЯ — Олег Дивов. Молодые и сильные выживут (1998)];

— ...Нам, типа, все помогут, все везде цветами встретят. Может, и встретят, конечно, но я вот интересуюсь, она хоть что-то делает, не снимая про это кино? Просто, по-человечески, ты врубаешься, о чем говорю? // — Да, конечно, я вас понимаю, — рассеянно пробормотал Веденников... [НКРЯ — О.А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016)].

Так, эмпатия по отношению к задающему вопрос проявляется и в реализации в речевой зоне отвечающего установки на сочувствие, при этом, как правило, обязательно эксплицируется искренность в переживании этого внутреннего состояния:

— Я и то думаю, — вздохнул человек, — может, политического убежища спросить? Только кому я нужен без диплома?! // — Я вам искренне сочувствую [НКРЯ — Сергей Довлатов. Иная жизнь (1984)].

В ряде примеров мы видим, как посредством разнообразных языковых средств, в том числе повторов, эксплицируется идея эмоциональной близости:

— Ты под мои мерхлюндии, — (так она называла свои нервические срывы), — хочешь подвести большую философию и доказать мне, что я ущербна? // — Мы с тобой одно целое, — улыбнулся я. — Твои мерхлюндии — это мои мерхлюндии [НКРЯ — Юрий Азаров. Подозреваемый (2002)];

— Это хорошо? — спрашивает девочка, у которой забрали тетрадку. // Хорошо, хорошо, ты умница, — успокаивает ее учительница [НКРЯ — Алексея Лонская. На черной-черной улице стоит черная-черная школа... // «Русский репортер», 2012].

В случаях подобного рода обычно выражается такая ключевая идея русской языковой картины мира, как представление говорящих о ценности самого события общения как такового: «Обращает на себя внимание очень большая ценность коммуникации в целом, общения — больше, чем во многих других культурах, высокая коммуникативность очень многих (если не всех) ключевых концептов русской культуры — душа, правда, справедливость, искренность» [5, с. 7] — см., например:

— Так-так-так, ты за кого меня принимаешь! // — Я к тебе *со всей душой*, может, покормить собиралась (ты же у нас все о желудке заботишься) [НКРЯ — Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)];

— ... Кому это интересно? // Зарепкина огорчена. // — Напрасно вы так. Я ведь к вам *со всей душой*. Можно сказать, как к дочери родной [НКРЯ — Л.А. Гартунг. Порог (1967)];

— ... А я-то тебе разве чужой? // — Ох, ох, *правда твоя*, Миколаюшко [НКРЯ — Федор Абрамов. Травамурава // «Огонек», 1981].

Поэтому в моделях фатической коммуникации, актуализованных в русской речи, коммуниканты всегда остро реагируют на возможную неискренность или фальшь со стороны собеседника:

— Вы что? Против положительного опыта? // Вопрос был из разряда тех, на которые невозможно дать ответ. // — Но это же будет *неправда*, — попытался сопротивляться Темкин [НКРЯ — Дмитрий Ищенко. Парад Победы // «Октябрь», 2013];

— Или у тебя были какие-то рычаги воздействия? // — Были, были, как же иначе? — проворчал Приходченко, не желая вдаваться ни в какие подробности. В теннис три раза поиграли, вот и все рычаги. // — Ты *врешь*, — поняла Катерина, — если бы все было так просто, вы бы меня спросили, прежде чем принимать решение. Нет, тут чьи-то интересы сыграли роль, только не понятно чьи [НКРЯ — Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)].

Аналогичным образом негативно реагируют и на несправедливое, с точки зрения отвечающего, обвинение в неискренности:

— А ты откуда все это знаешь? — спохватилась Лина и посмотрела на Валентина с подозрением. — Может, опять сочиняешь? // — Мне надоели твои беспочвенные подозрения! — возмущился Плюсик. — Как только что-то выходит за рамки обыденного, так ты сразу *обвиняешь* меня во *вранье*! Так это не я врун, а просто у тебя узкий кругозор [НКРЯ — Марина Полетика. Однажды была осень (2012)];

[Павел Сергеевич (муж, 60, бездомный)]. Верочка, ну что же вы так горячитесь? Ну и написали, и что ж тут такого криминального? // [Вера Ивановна (жен, 60, санитарка)] (чуть не плача). Не писала я ничего! *Это враки* [НКРЯ — Л.Н. Разумовская. Владимирская площадь (1990–1999)].

Как отмечается в монографии А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева, «общаться по-русски значит приблизительно ‘разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта’». При этом разговор, составляющий содержание общения, не обязательно должен быть «о главном» — речь может идти в том числе и о пустяках; так как главное в общении — именно

поддержание контакта, ощущения *общности*. Слово общаться содержит, кроме того, идею некоторой бесцельности этого занятия и получаемых от него удовольствия или радости...» [6, с. 36] — см., например:

— Вот несносный человек, — набрасывалась она на мужа. Неужели не видишь, что Александр Львович устал, ему нужно отдохнуть? // — Ну что вы, Амалия Петровна, *беседовать с Евгением Карловичем одно удовольствие*! [НКРЯ — Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993–2003)];

— Насколько я понимаю, вы уже проделали эту мысленную операцию? // — Беседовать с вами — *одно удовольствие*, Наталья Андриановна, вы схватываете буквально на лету [НКРЯ — Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990)]

Отметим, что как само содержание диалогов, так и интенции коммуникантов во всех случаях могут быть чрезвычайно разнообразны: их объединяет некая установка собеседников на достижение душевной общности, на повышение, так сказать, «эмоционального градуса» коммуникации, даже в случае расхождения позиций в конкретной ситуации общения.

Другой стороной «задушевности» и тяготения к минимуму дистанцированности, к неформальности межличностной коммуникации являются некооперативные, конфликтные речевые стратегии, направленные на «переход на личности», т.е. на прагматически избыточное в данной коммуникативной ситуации «выяснение отношений». В ряде случаев мы снова можем наблюдать ситуации, когда иллютивная необходимость предоставить конкретную информацию в ответе на вопрос уступает место обсуждению самих интенций говорящего, их уместности или правомочности. Часто при этом используются типизированные речевые формулы ответных реплик, например:

И когда я сказал: «Женщина, вы все-таки женщина, вы неужели не можете без этого?» // А она сказала: «*А ты кто такой...*» [НКРЯ — Венедикт Ерофеев. Интервью (1989–1990)];

— Что вы сейчас делали? До того, как вернулась Лена? // — Да я, собственно... — виновато начал Шеф, но сразу опомнился. — Слушай, а какое тебе дело? *Ты кто такой*, чтобы меня контролировать? [НКРЯ — Евгений Прошкин. Эвакуация (2002)];

— Куда вы дели моих друзей? — спросил их робот Кибrik. // — Не твое дело, клоун! — сказали стражники. — *Кто ты такой*, чтобы задавать нам вопросы?! [НКРЯ — Леонид Сапожников. Митя Метелкин в Стране Синих роз (1988)].

При этом возможны случаи, так сказать, «зеркального» употребления таких типизированных вер-

бально-агрессивных реплик обоими коммуникантами, что ведет к эскалации конфликта:

*Донесится обрамленный непарламентской идиоматикой вопрос: **Ты кто такой?** // Андреич обижается: «**Нет, это ты кто такой?**..»* [НКРЯ — До после победы (2004) // «Солдат удачи», 11.02.2004]

Подобное речевое поведение в научной литературе по психологии общения характеризуется как «выход на метауровень», когда коммуникантов интересует не объективная ситуационная сторона речевого общения, а выражение своего настроения, отношения к собеседнику или ситуации в целом, обсуждение самой манеры ведения диалога [13]. Это может выражаться типизированной речевой формулой с местоименной формой сам и полным или частичным повторением предыдущей реплики спрашивающего, например:

— ...Но почему бы не сказать, что это именно эпизод, неужели вы принимаете меня за человека, убогого умом, не способного понять это? Или вы просто стыдитесь происшедшего? То есть это даже не эпизод, а всего лишь физиологическая случайность? // — **Сам ты** физиологическая случайность, — осмелел вдруг мужчина [НКРЯ — Алексей Слаповский. Жизнь Лагарпова (1999)];

— Ты живёшь в деревне? // — **Сам ты** деревня! Выселки — самый престижный и лакомый кусочек города. Смотри, какие дома, не просто хатки, а виллы понаставили, чинно-важно... чтоб их... [НКРЯ — Гузалия Ариткулова. Контур, выжженный на асфальте // «Бельские просторы», 2018];

Он захлопнул ее дверцу и открыл заднюю перед Таней, но что-то его насторожило. // — Слыши, хозяйка, а чего она у тебя молчит всю дорогу? Не больная? // — **Сам ты** больной. Скажи что-нибудь, Таня, — приказала блошка [НКРЯ — С.Е. Каледин. Записки гробокопателя (1987–1999)];

— Валь, — как-то не выдержал Артем, — он что, косой, что ли? // — **Сам ты** косой! Это у многих новорожденных так [НКРЯ — Роман Сенчин. Елтышевы (2008) // «Дружба народов», 2009].

Более агрессивная форма ответной реплики в указанной типовой модели возникает, когда вместо полного или частичного повтора слов спрашивающего отвечающий использует инвективную конструкцию сам дурак, например:

— ...Хорошая девочка, и не замужем. // — Такая хорошая, что не замужем? — улыбнулся Ефим Наумович. — Сколько ей лет? На пенсию скоро? // — **Сам дурак!** Ей двадцать восемь... [НКРЯ — Аркадий Мацанов. В следующем году в Одессе! // «Ковчег», 2013].

Специфика употребления данной инвективной конструкции заключается в том, что она не зависит от содержательного наполнения реплики инициатора

ра диалога — она в принципе может быть реакцией на любое пропозициональное содержание, потому что отражает общую негативную интенцию отвечающего по отношению к собеседнику или к коммуникативной ситуации в целом.

Указанные речевые стратегии в русском диалогическом дискурсе выступают как частный случай проявления общей тенденции к гипертрофии общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий, которая характеризуется А. Вежбицкой в терминах «моральной страстности» [3]:

— **Кто дал в газету эту гнусность?** — закричал он с такой яростью, что у него побелели даже глаза. — **Какой негодяй?!** // — Крупник, — растерянно ответил я [НКРЯ — К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий (1958)]

— Я просил позовинить мне, если найдут убийцу Гаврилова. Гуров. Слушаю вас, — проговорил полковник, подняв трубку. // — **Слушаешь, свою матерь!** — раздался на другом конце провода разгневанный голос генерал-лейтенанта Орлова. — **Ты что, подлец, такое вытворяешь?!** // — Не понял, господин генерал. — Гуров был удивлен и обижен таким тоном своего друга-начальника. — Вы можете выражаться конкретнее? [НКРЯ — Николай Леонов. Лекарство от жизни (2001)];

— ...Он откажется меня лечить. Зачем ему пациентка, из-за которой к нему милиция является? // — Верочка, — мягко попытался остановить ее Ташков, — **ты говоришь ерунду.** Никто твоему доктору голову морочить не собирается... [НКРЯ — Александра Маринина. Иллюзия греха (1996)];

— Сергей Ильич, а вы считаете, в русской истории будет новый поворот? Западники проиграют славянофилам? Или все-таки западная идея выстоит? // — **Не говори глупости** [НКРЯ — М.К. Кантор. В ту сторону (2009)].

Обратим внимание на то, что во всех приведенных примерах реализуется повышенная эмоционально-оценочная реакция говорящих на вполне обычную ситуацию, в норме таковой сильной реакции не требующей.

## Выводы

В целом проанализированный материал позволяет еще раз подтвердить выводы, сделанные нами в предыдущей работе [10], о том, что в национально обусловленных моделях фатического речевого взаимодействия отнюдь не всегда имеет место установка участников диалога на достижение взаимопонимания в рамках соблюдения принципа кооперации и стремления к коммуникативному сотрудничеству. Интенциональная сфера русской высококонтекстной фатики весьма разнообразна и противоречива, она не сводится только к ориентации на «задушевное об-

щение», на неформальный «разговор по душам». Зачастую мы можем наблюдать и реализацию моделей конфликтной фатической коммуникации, в которых участники диалога стремятся нанести друг другу коммуникативный ущерб посредством использования речевых стратегий выяснения отношений («перехода на личности»).

При этом следует подчеркнуть, что ориентация на повышенный эмоциональный градус общения как проявление установки на взаимную искренность коммуникантов приводит к отсутствию в системе «коммуникативных ценностей русской культуры» уважения к частной сфере, к личному пространству

говорящего: это явным образом расходится с требованиями к ведению коммуникации (например, с установками на неприкосновенность *privacy*), имеющими место в низкоконтекстных «индивидуалистических» западных лингвокультурах.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением его эмпирической базы, в частности, с ее дифференциацией по разным типам дискурса (медийный, политический, рекламный, устный, интернет-коммуникация и язык социальных сетей и др.), а также с возможным привлечением сопоставительного материала по данным других лингвокультур.

## Литература

1. Баранов А.Н. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов [Текст] / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкоznания. — 1992. — № 3. — С. 8–17.
2. Бочина Т.Г. Коммуникативная валентность гедонистических ценностей в традиционной русской аксиосфере [Текст] / Т.Г. Бочина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 7–12. — DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-6-7-12
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая; пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. — М.: Русские словари, 1997. — 416 с.
4. Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего [Текст] / Т.Г. Винокур // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1993. — С. 5–29.
5. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категории персональности в лексике и прагматике [Текст] / В.В. Дементьев. — М.: Глобал Ком, 2013. — 336 с.
6. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
7. Карасик В.И. Нормы поведения в языковой картине мира [Текст] / В.И. Карасик // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». — 2019. — № 4. — С. 35–49. — DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49
8. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология [Текст]: Курс лекций / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
9. Кузнецов И.А. Национально-обусловленные модели диалогической коммуникации в современной русской речи: к проблеме комплексного лингвокультурологического описания [Текст] / И.А. Кузнецов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2020. — № 2. — С. 274–279.
10. Кузнецов И.А. Ценностные установки в национально обусловленных моделях фатической вопросно-ответной диалогической коммуникации на русском языке [Текст] / И.А. Кузнецов // Аксиология и когнитивная лингвистика: Материалы III Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» [Электронный ресурс] / М.С. Милованова (отв. ред). — М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. — С. 69–75.
11. Матвеева Т.В. Ведение диалога как сфера лингвоэкологии [Текст] / Т.В. Матвеева // Экология языка и коммуникативная практика. — 2014. — № 2. — С. 121–131.
12. Милованова М.С., Су Хэцин. Динамические изменения концепта любовь в современных коммуникативных жанрах (на материале интернет-коммуникации) [Текст] / М.С. Милованова, Су Хэцин // НИР. Современная коммуникативистика. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 63–76. — DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-6-63-76
13. Новые тенденции в русском языке начала XXI века [Текст]: коллективная монография; под ред. Л.В. Рацебурской. — М.: Флинта; Наука, 2016. — 304 с.
14. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
15. Радбиль Т.Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира [Текст] / Т.Б. Радбиль // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. — М.: Гнозис, 2019. — С. 23–35.
16. Радбиль Т.Б. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета [Текст] / Т.Б. Радбиль, А.И. Помазов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкоznание». — 2020. — Т. 19. — № 1. — С. 140–153. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.1.12
17. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты [Текст]: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацебурской. — М: Флинта, 2021. — 328 с.
18. Шакlein В.М. Концепт «Коллектив/Единство» в русской фразеологии как важный элемент коммуникации в русскоязычном пространстве [Текст] / В.М. Шакlein, Чжан Минь // НИР. Современная коммуникативистика. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 28–33. — DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-4-28-33
19. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н.Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2003. — 378 с.
20. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей: Пер. с англ., франц., нем., чеш., польск. и болг. яз. / Сост. М.Я. Полякова; под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. — С. 190–230.
21. Hall E.T. Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg: Grunder & Jahr, 1983. 100 p.
22. Hurn B.J., Tomalin B. Cross-Cultural Communication. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 308 p.

23. Pearson P. Cultural appropriation and aesthetic normativity // *Philosophical Studies*. 2021, no. 178, pp. 1285–1299. DOI: 10.1007/s11098-020-01475-2
24. Sharifian F. *Cultural Linguistics. Cultural conceptualisations and language*. Amsterdam: Benjamins, 2017. 171 p.

#### Источники

25. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.11.2024).
- References**
1. Baranov A.N., Kreydin G.Ye. Illocutionary compulsion in the structure of dialogue. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Languages], 1992, no. 2, pp. 84–99. (In Russian)
2. Bochina T.G. Communicative valence of hedonistic values in the traditional Russian axiosphere. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication], 2023, vol. 12, no. 6, pp. 7–12. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-6-7-12. (In Russian)
3. Wierzbicka A. *Kul'tura. Poznanie* [A Language. Culture. Cognition]. Moscow, lazyki russkoi kul'tury Publ, 1997. 416 p. (In Russian)
4. Vinokur T.G. Informative and phatic speech as the detection of different communicative intentions of the speaker and the listener. Zemskaya Ye.A., & Shmelev D.N. (ed.) *Russkiy yazyk v yego funktsionirovani. Kommunikativno-pragmatischekij aspekt* [Russian Language in Its Functioning. Communicative and Pragmatic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 5–29. (in Russian)
5. Dement'ev V.V. *Kommunikativnyye tsennosti russkoy kul'tury: kategorija personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of Russian Culture: the Category of Personality in Lexis and Pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ., 2013, 336 p. (in Russian)
6. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., & Shmelev A.D. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005. 544 p. (in Russian)
7. Karasik V.I. Norms of behavior in the language picture of the world. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 2019, no. 4, pp. 35–49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49. (in Russian)
8. Krasnykh V.V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics: A Course of Lectures]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p. (in Russian)
9. Kuznetsov I.A. Nationally determined models of dialogical communication in modern Russian speech: to the problem of a comprehensive linguocultural description. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of N.I. Lobachevsky Snare University of Nizhny Novgorod], 2020, no. 2, pp. 274–279. (in Russian)
10. Kuznetsov I.A. Value attitudes in nationally conditioned models of phatic question-answer dialogical communication in Russian. Milovanova M.S. (ed.). *Aksiologiya i kognitivnaya lingvistika: Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Sovremennaya rossiyskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti»* [Axiology and Cognitive linguistics: Proceedings of the III International Scientific Conference "Modern Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity"]. Moscow, A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language Publ., 2024, pp. 69–75. (in Russian)
11. Matveyeva T.V. Conducting a dialogue as a sphere of linguo-ecology. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2014, no. 2, pp. 121–131. (in Russian)
12. Milovanova M.S., Su Heqing. Dynamic changes in the concept of love in modern communication genres (based on Internet communication). *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication], 2024, vol. 13, no. 6, pp. 63–76. DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-6-63-76. (in Russian)
13. Ratsiburskaya L.V. (ed.). *Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka* [New Trends in the Russian Language at the Beginning of the 21<sup>st</sup> Century, Collective Monograph]. Moscow, Flinta; Science Publ., 2016. 304 p. (in Russian)
14. Paducheva Ye.V. *Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa)* [Semantic Studies (Semantics of Time and Aspect in the Russian Language. Semantics of Narrative)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 464 p. (in Russian)
15. Radbil T.B. Faith as the basis of worldview and understanding in the Russian linguistic picture of the world. Otv. red. Arutyunova N.D., Kovshova M.L. (eds.). *Lingvokul'turologicheskiye issledovaniya. Logicheskiy analiz yazyka. Ponyatiye very v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Lingvo-cultural Studies. Logical Analysis of a Language. The Concept of Faith in Different Languages and Cultures]. Moscow, Gnosis Publ., 2019, pp. 23–35. (in Russian)
16. Radbil T.B., Pomazov A.I. Precedent phenomena as a means of creating attractiveness in the polycode text of the Internet. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanije* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 140–153. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.1.12. (in Russian)
17. Ratsiburskaya L.V. (ed.). *Russkiy yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyy i pragmatischekij aspekty* [Russian Language in Internet Communication: Linguocognitive and Pragmatic Aspects], Collective Monograph. Moscow, Flinta Publ., 2021. 328 p. (in Russian).
18. Shaklein V.M., Zhang Min. The concept of "Collective / Unity" in Russian phraseology as an important element of communication in the Russian-speaking space. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication], 2024, vol. 13, no. 4. pp. 28–33. DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-4-28-33. (in Russian).
19. Shvedova N.Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 378 p. (in Russian).
20. Jakobson R. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Basin Y.A., Polyakov M.Ya. (eds.). *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: Pros and Cons], Collection of Articles. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 190–230. (in Russian).
21. Hall E.T. *Hidden Differences: Studies in International Communication*. Hamburg, Grunder & Jahr, 1983. 100 p.
22. Hurn B.J., Tomalin B. *Cross-Cultural Communication*. New York, Palgrave Macmillan, 2013. 308 p.
23. Pearson P. Cultural appropriation and aesthetic normativity. *Philosophical Studies*, 2021, no. 178, pp. 1285–1299. DOI: 10.1007/s11098-020-01475-2
24. Sharifian F. *Cultural Linguistics. Cultural Conceptualisations and Language*. Amsterdam, Benjamins, 2017. 171 p.
25. Natsional'nyi korpus russkogo jazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: April 11, 2024). (in Russian)

#### Material resources